

Андрей ГАНИН,
доктор исторических наук

«НЕДОНОСКИ»?

Выпускники ускоренных курсов
Императорской Николаевской
военной академии в годы
Первой мировой войны*

Каждая крупная война ведёт к массовой гибели командных кадров, необходимости их ускоренной подготовки и переподготовки и к резкому изменению социального состава офицерства. Основной задачей любого государства в этих условиях становится минимизация потери качества подготовки в условиях значительного сокращения её сроков, а также максимальный учёт текущего боевого опыта. Россия эпохи Первой мировой не была исключением.

К октябрю 1917 года из примерно 250 000 офицеров русской армии порядка 190 000 (76 процентов) составляли офицеры военного времени, многие из которых впервые взяли в руки оружие лишь в годы войны, а в пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917-го оставалось только 4 процента кадровых офицеров¹. Схожий процесс, обусловленный не гибелью офицерства, а резким увеличением численности армии, наблюдался в военной элите страны — среди офицеров, прошедших подготовку в главном высшем военно-учебном заведении России — Императорской Николаевской военной академии — и служивших по Генеральному штабу (ГШ). Появление сотен генштабистов военного времени существенно изменило облик корпорации, внося в неё демократическую струю и сделав состав кадров ГШ более пёстрым и разнообразным. Это создавало почву для поколенческих и квалификационных конфликтов, которые ярко проявились в 1918–1919 годах. Рассмотрим, как решалась в военное время проблема ускоренной подготовки генштабистов, каков был уровень этой подготовки и как проявили себя выпускники курсов с профессиональной точки зрения.

Нехватка генштабистов в Действующей армии в 1914–1916 годах была катастрофической. В мае 1916-го около 50 процентов должностей старших адъютантов дивизионных штабов (обер-офицерские должно-

*Исследование осуществлено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

сти ГШ) замещали уже не генштабисты, а строевые офицеры, начальниками штабов дивизий (штаб-офицерские должности ГШ) становились капитаны с академическим образованием, но не пробывшие достаточное время в обер-офицерских чинах. Постепенно на обер-офицерских штабных должностях и в корпусном звене генштабистов вообще не осталось. Некомплект офицеров ГШ составлял не менее 210 человек. В 1915-м были досрочно переведены в ГШ ранее причисленные к нему офицеры выпусков 1912–1914 годов, причислены и переведены в ГШ обер-офицеры, окончившие академию в 1912–1914 годах по 2-му разряду (т. е. без причисления к ГШ), причислены к ГШ офицеры, окончившие в 1914 году два класса академии и переведённые на её дополнительный курс (они считались выпуском 1915 года²). Обязательное для штаб-офицеров ГШ двухгодичное командование полком было сокращено до годового. Тем не менее до начала массовой подготовки курсовиков решить проблему не удавалось.

Во время войны занятия в академии длительное время не велись. Когда причисления к ГШ ранее обучавшихся в академии офицеров оказалось недостаточно, было принято решение о возобновлении обучения. С конца 1916 года академия начала ускоренную подготовку офицеров. Выпускники ускоренных курсов при ней — курсовики — различались по полученной подготовке (к примеру, в старший класс курсов 1-й очереди зачислялись офицеры, окончившие перед войной полноценный младший класс академии), уступали выпускникам академии довоенного времени, однако вполне могли выполнять обязанности младших офицеров ГШ. В 1916–1919 годах (включая период Гражданской войны, когда академия эвакуировалась в Екатеринбург и Томск) функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней, 4-й, было организовано по два класса — младший (подготовительный) и старший. Целью курсов являлась «специальная подготовка некоторого количества строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров

Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий»³.

Старые генштабисты относились к курсовикам часто отрицательно, не считали их получившими достаточную подготовку для службы в ГШ, называли «недоучками» и даже «недоносками» (поскольку курс обучения был рассчитан на восемь месяцев). Генерал С. Л. Марков, к примеру, был убеждён, что «создавать офицеров Генерального штаба из курсовиков нельзя, это не школа прапорщиков»⁴. Бывший генерал Д. И. Андриевский, служивший в начале 1918 года в штабе Северного участка и Петроградского района завесы, заявил в марте 1918-го в общем отделении штаба своему товарищу, что в штаб для работы приглашены «недоноски»⁵. Военспец не заметил, что при этом присутствовали некоторые из курсовиков, которые слышали оскорбление... Подобное пренебрежительное отношение сохранялось и в белых армиях⁶. Но было ли оно справедливым?

Критерии отбора на курсы были строгими, хотя различались от курса к курсу. По рекомендации вышестоящего начальства на курсы зачислялись исключительно кадровые строевые офицеры со стажем службы не менее двух лет, обладавшие боевым опытом. Предпочтение отдавалось тем, кто сдавал перед войной экзамены в академию, но не прошёл по конкурсу 1913 года или сдал письменные испытания при окружных штабах (предварительный этап поступления в академию) в 1914 году; георгиевским кавалерам, а затем также раненым, контуженым и отравленным газами (при условии восстановления здоровья). От армейского корпуса на курсы командировались 3 офицера, от конного — 5. Позднее от поступающих стали требовать и наличие штабного опыта. Сохранились статистические данные о 240 выпускниках подготовительных курсов 1-й очереди. Среди них 8,32 процента представляли гвардию, 41,67 процента — пехоту, 22,9 процента — конницу, 14,16 процента — артиллерию, 12,95 процента — технические и прочие войска. Кавалерами ордена св. Георгия и Георгиевского оружия

Здание Николаевской академии Генерального штаба. Санкт-Петербург. Фото автора.

был 61 офицер или 25 процентов поступивших⁷, что свидетельствует о замечательных боевых качествах слушателей.

Свидетельством отбора лучших из лучших представляется ходатайство командира XXXV армейского корпуса генерала М. М. Ставрова перед начальником академии полковником А. И. Андогским от 24 сентября 1917 года о зачислении на курсы 3-й очереди капитана Г. С. Горчакова: «Телеграммой генкварзапа⁸ вверенному мне корпусу из трёх дивизий с большим числом других частей, входящих в него, предоставлено офицерам 2 вакансии на курсы 3 очереди вверенной Вам академии.

Согласно правил командирования и поступления эти две вакансии заняты двумя офицерами корпуса — георгиевскими кавалерами, имеющими на это право первыми.

Между тем в корпусе имеется офицер 267 пехотного Духовщинского полка капитан Горчаков, который, отличаясь выдающейся храбростью и обладая громадным боевым опытом, пробыл в пехотном полку в строю более 2-х лет, отлично знаком с военной службой, прекрасный начальник и человек, дважды

был ранен и однажды контужен в текущую войну во время штыковых атак, участвовал во всех боевых действиях полка, прибыв на войну в чине подпоручика, награждён всеми боевыми орденами до Владимира 4 степени с мечами и бантом включительно и чином штабс-капитана и, таким образом, обладая всеми необходимыми данными и требованиями для поступления на курсы, не может попасть единственно вследствие отсутствия вакансии.

Ввиду вышеизложенного я считаю своей нравственной обязанностью обратиться к Вам с просьбой не отказать в принятии этого во всех отношениях достойного офицера на курсы вверенной Вам академии.

Только знание заслуг капитана Горчакова обязывает меня затруднить Вас настоящей моей просьбой.

Двухмесячная на моих глазах его работа в штабе корпуса даёт мне полные основания утверждать, что он будет выдающимся офицером Генерального штаба, как по своим блестящим способностям, так и по безукоризненному трудолюбию⁹. И хотя Горчаков из-за

болезни не окончил даже младший класс, он, тем не менее, проявил себя в дальнейшем как дельный штабной работник. В Гражданскую войну он занимал ряд ответственных штабных постов в РККА.

Подготовка на курсах отличалась интенсивностью и включала лекции по стратегии, общей тактике, тактике родов войск, военной администрации, военной статистике России и иностранных государств, истории военного искусства, военной психологии, службе ГШ, военно-морскому делу, событиям Первой мировой войны, артиллерии, инженерному искусству, теории съёмки, военной топографической разведке. Практические занятия проводились по тактике, военной администрации, картографии, теории съёмки, инженерному искусству и службе ГШ. Учебная нагрузка, например, на подготовительном курсе 2-й очереди примерно за три месяца составляла 271 час лекций и 107 часов практических занятий, а в старшем классе 1-й очереди — 269 часов лекций и 96 часов практических занятий¹⁰. Всего за период 1917–1919 годов через курсы прошли

Группа офицеров штаба XXXV армейского корпуса с офицерами 267-го пехотного Духовщинского полка. Третий справа — командир XXXV армейского корпуса генерал Н. П. Рещиков, крайний слева — подполковник П. В. Чудинов, крайний справа, возможно, начальник 67-й пехотной дивизии генерал В. Е. Пржилуцкий, стоит поручик Г. С. Гринцер (с конца 1915 г. — Горчаков) — впоследствии слушатель ускоренных курсов академии. Лето 1915 г. Фото из семейного архива Д. Н. Клюева (Санкт-Петербург). Публикуется впервые.

Статистика выпусков ускоренных курсов Военной академии 1917–1919 годов¹¹

очередь/ курс	Младший класс (подготовительные курсы)	Старший класс
1-я	Зачислены 242, выпущены 237 (01.11.1916–20.01.1917)	Зачислены 86, выпущены 84 (01.02–13.06.1917), все причислены к ГШ как выпуск 1916 года, 81 переведен в ГШ
2-я	Зачислены 253, выпущены 233 (01.02–23.05.1917)	Зачислены 168, выпущены 165 (15.10.1917 — нач. 03.1918), все причислены к ГШ как выпуск 1917 года, 133 переведены в ГШ
3-я	Зачислены 239, выпущены 143 (15.10.1917- нач. 03.1918)	Выпущены 204–212 (по разным спискам) (01.06–18.07.1918, занятия прерваны)
Ускоренный курс	Подлежали командированию 181, прибыли 115 (июль 1918, занятия прерваны)	—
4-я	Зачислены 176, выпущены 154 (21.01–29.04.1919)	—

около тысячи офицеров (см. таблицу).

Перевод в ГШ, следовавший после причисления офицеров к ГШ, был важным этапом карьеры, а неопределённость служебного положения причисленных, наоборот, угнетала. Один из выпускников академии жаловался генералу М. В. Алексееву: «Одно быть офицером Генерального штаба и другое — причисленным, где Вас каждый как ненужного использованного щенка после войны может выбросить за борт»¹². К августу 1917 года на должностях ГШ в Действующей армии значились уже 407 курсовиков 1-й и 2-й очередей (222 и 185 офицеров соответственно), что составляло треть всех должностей¹³. Эти офицеры в массовом порядке замещали обер-офицерские должности ГШ (к 30 ноября 1917 года 320 выпускников курсов замещали более 90 процентов этих должностей¹⁴). Однако проблема дефицита кадров сохранялась и к концу 1917 года. Поэтому и были открыты курсы 3-й очереди. К примеру, на Западном фронте к 25 декабря 1917 года по ГШ служил 181 офицер, в том числе 71 генштабист, 27 курсовиков и 83 прочих (очевидно, строевые офицеры)¹⁵. За вычетом прочих курсовики составляли около четверти выпускников академии на этом фронте.

На плечи курсовиков легла трудная работа. Один из них писал в 1917 году председателю комитета слушателей: «Мы тоже люди, что есть предел эксплуатации нас, как работников по службе Генерального штаба. Получается впечатление, что из нас хотят выжать все соки, а затем выбросить как ненужную вещь... Разве мало офицеров из курсовиков исполняло должности начальников штабов, разве временами на нас не взваливали подчас тяжёлую и ответственную работу, разве обошлись

бы штабы без нашей помощи? Так издеваться нельзя, надо учитывать и то обстоятельство, что мы выросли и научились любить службу Генерального штаба, мы хотим и требуем иного отношения к нам! Мы имеем, наконец, право на военное образование и мы добьемся этого!»¹⁶

Практический опыт курсовиков различался. Слушатели подготовительных курсов 1-й очереди состояли на должностях ГШ в полевых штабах Действующей армии, начиная со старших адъютантов дивизионных штабов и заканчивая начальниками корпусных штабов, с конца января 1917 по март 1918 года. Слушатели подготовительных курсов 2-й очереди находились на должностях ГШ в Действующей армии с конца мая по октябрь 1917 года. А вот слушатели подготовительных курсов 3-й очереди в промежуток между младшим и старшим классами не командировались в армию на должности ГШ.

Квалификация выпускников ускоренных курсов оставалась предметом постоянных острых споров в среде ГШ. Одни считали их малограмотными недоучками, другие акцентировали внимание на боевых заслугах и практическом опыте. Думается, присутствовало как то, так и другое. По мнению преподававшего в академии генерала П. Ф. Рябикова, они не только не отличались от довоенных слушателей, но даже выигрывали, благодаря боевому опыту¹⁷. Иначе считал начальник ГШ генерал П. И. Аверьянов: «Теоретическая подготовка этих офицеров была очень ограниченной, службы Генерального штаба нести им в Великую войну не довелось, а в Гражданской войне они могли научиться лишь очень «своеобразному» несению этой службы, традициям академии и корпуса офицеров Генерального штаба они были совершенно чуждыми»¹⁸.

По-настоящему проявить себя на штабном поприще выпускники курсов смогли только на излёте Первой мировой и в дальнейшем. В Гражданскую войну некоторые из них сделали успешную и стремительную карьеру, стали начальниками штабов бригад и дивизий, дослужились до полковничьих и даже генеральских чинов, хотя ещё за два–три года до того носили погоны обер-офицеров.

Младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди курсов окончил А. Я. Крузе. В Гражданскую войну в войсках А. В. Колчака он дослужился до генеральского чина, был отмечен боевыми наградами, попал в плен и стал служить в РККА. В 1941 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С февраля 1943 года исполнял должность начальника штаба

В. А. Андерс. 1918 г.

А. Я. Крузе.

Сталинградской группы войск, осенью того же года командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород, а с ноября 1944 года — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени. В 1949 году Крузе, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры у Колчака, получил звание генерал-лейтенанта Советской армии. В феврале 1958 года он вышел в отставку и спустя 9 лет умер в Ленинграде¹⁹.

Наиболее благоприятные условия для карьеры курсовиков сложились в Красной армии. Курсовики дали РККА ряд командармов периода Гражданской войны. Так, М. И. Алафузо временно командовал 3-й армией, М. И. Василенко — 11-й, 9-й Кубанской и 14-й армиями, А. И. Геккер в начале 1918 года был избран командующим 8-й армией, а в РККА командовал 13-й и 11-й армиями. С. А. Меженинов возглавлял 3-ю, 12-ю и 15-ю армии, М. В. Молкочанов — Красную армию Армении и 14-ю армию, А. И. Кук — 16-ю армию (он также разработал в конце 1920 года план разгрома отрядов С. Н. Булак-Балаховича). Курсовик Г. И. Теодори стал одним из основоположников советской военной разведки и контрразведки²⁰. Выпускники и слушатели курсов составили целую плеяду советских генералов периода Великой Отечественной войны (Г. А. Армадеров, Г. С. Дьяков, А. В. Кирпичников, В. Е. Климовских, Б. Н. Кондратьев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Лютов, В. И. Максимов, Е. В. Сысоев, В. С. Тамручи, Е. А. Шиловский, А. Я. Яновский).

Проявили себя курсовики и в белых и национальных армиях. Видным военным деятелем, окончившим младший класс 1-й очереди, стал Владислав Андерс (потом он окончил также Высшую военную школу во Франции) — впоследствии генерал, командующий польскими войсками в годы Второй мировой войны²¹. Окончили курсы будущие польские генералы Р. И. Воликовский²² и В. Э. Томме. А. К. Шнеур в Гражданскую войну стал начальником Генерального штаба республики Армения. Видным деятелем Белого движения стал курсовик М. А. Фостиков, возглавивший в 1920 году повстанческую «Армию возрождения России» (около 10 000 кубанских казаков, не сумевших эвакуироваться в Крым) на Северном Кавказе. Полковник Э. Я. Рюттель возглавил Эстонскую военную школу. К числу выдающихся курсовиков относятся сразу два крупных военных мыслителя Русского Зарубежья: теоретик службы ГШ полковник А. А. Зайцов (окончил старший класс 1-й очереди) и теоретик актуальной по сей день «мятежной войны» полковник Е. Э. Месснер (окончил младший класс 1-й очереди)²³.

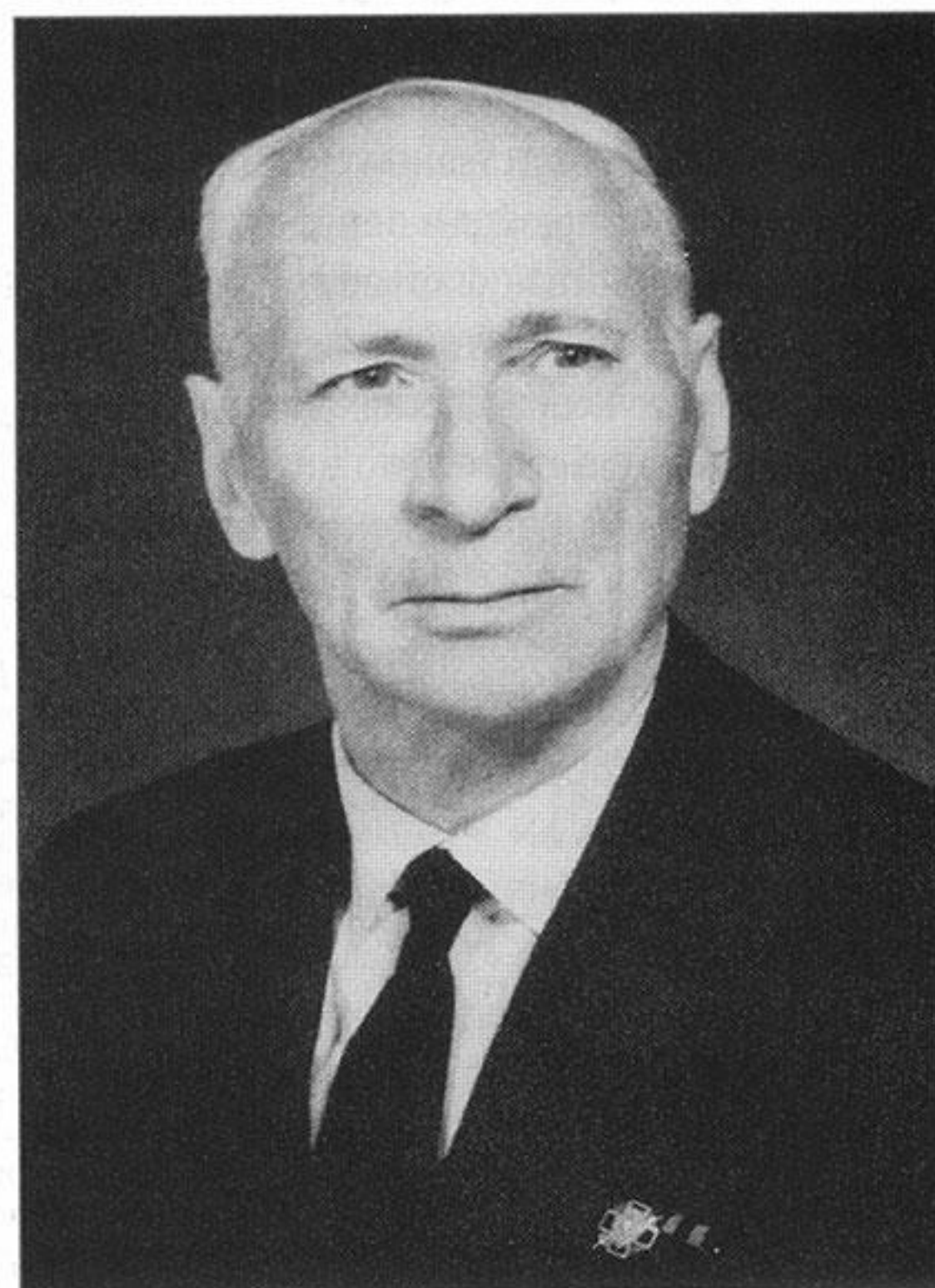
Интересна оценка курсовиков одним из них, полковником А. Г. Ефимовым, в письме военному историку Б. Б. Филимонову от 10 октября

1933 года: «Что касается «молодых», то двух-, трёхмесячные курсы во время войны давали очень мало. Что можно было усвоить в условиях большой спешки? В этом отношении следует выделять из молодых тех, которые ещё в мирное время готовились в академию, должны были заниматься для выдержания вступительных экзаменов сначала при округах, потом в самой академии и которым пришлось прочесть массу военных книг, рекомендованных для таких лиц специальными программами. «Сужу по себе и могу с уверенностью сказать, что 3 года подготовки к экзаменам дали мне гораздо более знаний, чем скоротечные курсы военного времени.

Должен прибавить, что перед Мировой войной у нас уже был достаточно переварен опыт Японской войны, армия реорганизова-

А. А. Зайцов.

Е. Э. Месснер.

лась, в военной литературе горячо разбирались различные военные вопросы, и невольно приходилось следить за различными течениями в областях устройства армии, стратегии, тактики и т.д.»²⁴ По мнению Ефимова, на 3-ю и 4-ю очереди ускоренных курсов «попадали главным образом из строя из желающих и иногда и против особого желания специальных знаний, а чтобы уехать в Петроград (4-я очередь — в Омск (правильно — в Томск. — А. Г.)»²⁵. Неоднородность курсовиков усугублялась тем, что часть из них прошла обучение только в младшем классе академии, либо же недоучилась в том или ином классе.

Как и вся служба ГШ в старой армии, служба курсовиков осложнялась многочисленными бюрократическими формальностями. Характерно письмо в академию от 11 октября 1917 года служившего в оперативном отделении штаба Особой армии капитана Глиндского, который окончил младший класс 2-й очереди, но не мог попасть в старший: «Я пишу ныне как к председателю исполнительного комитета по поводу моего дела, которое приняло грустный для меня оборот... Я посвятил себя службе Генерального штаба ещё до войны, выдержал предварительный экзамен и, относясь серьёзно к подготовке, думаю, что имел шанс ныне кончить академию. Конечно, война переделала всё. Я получил тяжкую рану, но Вы, как офицер, понимаете, что в жизни нашей бывают причины иного характера, чем выгода: я не ушёл из полка в штаб в мае [19]15 года потому, что не хотел опускать глаза перед малочисленными товарищами в полку. Последующая цепь моих служебных перемен не изменила, однако, а, наоборот, подчеркнула парадокс, с которым я принуждён считаться. После курсов 2-ой очереди я нёс штабную службу. Итак, у меня 3 ценза: экзамен, пребывание на курсах и штабная практика. Несмотря на это, я не могу окончить академию наравне со сверстниками, потому лишь, что я не был в штабе до курсов 2 очереди, а командовал ротой и был вторично выведен из строя контузией и раной позвоночника. Чина я не выиграл.

Я не могу допустить, чтобы кто-либо страдал по службе, особенно в наше время, благодаря случайной игре последствий разделения на категории; ведь ни одного мотива нет, который бы оправдывал серьёзную для меня служебную неудачу — неокончание академии. Недостаток — незнание службы Генштаба мог иметь значение, и с ним я соглашался, если бы на старший класс командировали сразу после курсов, а не после летнего периода штабной практики, которая аннулировала смысл подобного правила. Прошу Вас убедительно доложить правителю дел эти доводы в защиту моего права»²⁶.

Существовали свои нюансы и в отношении тех, кто заканчивал старший и младший классы разных очередей. Те офицеры, которые окончили подготовительные курсы 1-й очереди и поступили в старший класс 3-й очереди (обучение на котором было прервано перипетиями,

М. И. Василенко.

пережитыми академией летом 1918 года), воспринимались порой как недоучки. В докладе о положении курсовиков, подготовленном колчаковским капитаном А. И. Соколовым в 1919 году, отмечалось, что «практическая служба слушателей... продолжается уже третий год, но они, оторвавшись от строя и не пристав к офицерам Генштаба, считаются штабными париями, в строй не отпускаются и никаких преимуществ и даже осуществления своих законных прав офицера не получают. Слово «слушатель» на языке Генштаба стало синонимом «недоучки», «недоноска» и т.д.

Учитывая, что на младший класс... поступили по расчёту 2 офицера из корпуса избранные, лучшие кадровые офицеры, тянувшие ляжку в строю с начала войны и до октября 1916 года, т.е. в самый трудный её период, становится непонятным допущение высшей властью эксплуатации старого, кадрового офицерства, два года назад избранием и волею начальства связавшего свою судьбу с академией и за свою службу Генштаба в Д[ействующей] армии получившего благоприятные отзывы своего начальства, данные на анкету академии...»²⁷

Помимо академии, ускоренная подготовка генштабистов осуществлялась и на Кавказском

фронте, где возникли собственные курсы ГШ. К сожалению, документов о создании и функционировании этих курсов обнаружить не удалось, сохранились лишь служебные документы их выпускников (из которых нам и удалось установить сам факт существования таких курсов). Вероятно, речь шла о подготовке младших штабных работников непосредственно при штабе фронта.

Положение курсовиков в войсках было непростым как в старой армии, так и в РККА и в белых армиях — всюду, где вместе с ними оказывались и довоенные генштабисты. В 1918 году один из курсовиков писал начальнику академии А. И. Андогскому: «Если обратиться к обстановке, в которой теперь работает выпуск 17 года, то становится необъяснимым то предубеждённое отношение, которым встречается труд причисленных к Генштабу. Особенно, если вспомнить слова военного руководителя Высшего военного совета [М. Д.] Бонч-Бруевича, переданные нам с кафедры вр.и.д. нач[альника] академии за Ваше отсутствие о том, что выпуск — ценный материал, что расход его обуславливается исключительно тем обстоятельством, что патентованного Генерального штаба для работы в теперешней обстановке найти не могут, что выпуск — это последний резерв»²⁸. В итоге борьба за свои права стала лейтмотивом службы курсовиков. Особенно активными оказались в этом отношении выпускники курсов 2-й очереди²⁹.

Выпускники ускоренных курсов внесли немалый вклад в военное строительство в конце Первой мировой и особенно в годы Гражданской войны. В 1916–1917 годах поступавшие на ускоренные курсы академии проходили специальный отбор — на учёбу направлялись лучшие кадровые офицеры с боевым опытом и опытом штабной работы, нередко имевшие Георгиевские награды и ранения. В одном из писем начальнику академии Андогскому в 1918 году говорилось, что в сравнении с курсовиками «едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошёл такую боевую школу»³⁰. Курсовики существенно снизили дефицит кадров ГШ, сложившийся в первые годы войны. Недостаток подготовки отчасти компенсировался выдающимися личными качествами офицеров, а последующие достижения на военном поприще свидетельствуют, что это были отнюдь не «недоноски».

М. А. Фостиков.

Примечания

1. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М. 1988. С. 27–28, 52. По оценке С. В. Волкова, к этому времени в русской армии насчитывалось 276 000 офицеров. См.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М. 2001. С. 10.
2. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1280. Л. 18, 39.
3. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
4. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 166.
5. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64.
6. Там же. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.
7. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 72.
8. Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта.
9. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 621–621 об.

10. Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125 об.–126 об.
11. Списки выпускников и слушателей курсов всех очередей см. в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М. 2009. С. 485–524, 576–582.
12. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1284. Л. 3 об.
13. Там же. Д. 1363. Л. 145.
14. Подсчитано по: Кавтарадзе А. Г. Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43.
15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 341–350.
16. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 226.
17. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

18. Там же. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 408 об.
19. Подробнее см.: Великая Отечественная. Комкомры. Военный биографический словарь. Т. 1. М. 2006. С. 298–299; Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М. 2011. С. 284–286.
20. Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». Статьи и документы. М. 2013. С. 40–64, 380–414, 748–752.
21. Подробнее о его дореволюционной службе см.: Васильев А. Владислав Андерс — герой Российской императорской армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.
22. Подробнее см.: Ганин А. В. Последний

генштабист. К 90-летию советско-польской войны // Родина. 2010. № 8. С. 82–86.
23. Подробнее см.: Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М. 2005.
24. Ефимов А. Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М. 2013. С. 278–279.
25. Там же. С. 279.
26. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 210–211 об.
27. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 50.
28. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108.
29. Подробнее о борьбе курсовиков за положение в корпорации генштабистов см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 33–66.
30. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108.